

Денис Константинович Маслов

Подспудное плетение духа: размышления о сущности аналитической философии¹

Аннотация. В статье предлагаются рассуждения о сущности и попытках определения аналитической философии. Рассматриваются уже предложенные определения и их проблемы, а также поднимается вопрос о способе определения видов философии. Далее рассматриваются генетические, институциональные, социологические аспекты, и предлагается способ определения её через типические черты с обращением к стилистическому критерию, нормам и канонам.

Ключевые слова: аналитическая философия, метафилософия, социология аналитической философии.

Для цитирования: Маслов, Д. К. (2025). Подспудное плетение духа: размышления о сущности аналитической философии. *Analytica*, 10, 323–359.

§ 0.

В настоящей статье предлагаются размышления о сущности аналитической философии, и предпринимается попытка типического подхода к её определению через стиль мышления. В первом разделе рассматриваются общие черты философии вообще и несколько распространённых подходов к определению аналитической философии (далее — АФ) в частности, а также выделяются основные затруднения, возникающие при попытках её строгого определения. Во втором разделе речь идёт о том, что к очерчиванию существа АФ лучше подходить не терминах необходимых и достаточных условий, но в терминах *типических* черт, поскольку попытки строгих дефиниций всегда будут наталкиваться на контрпримеры. Типический подход подразумевает

¹ Этот текст не претендует на оригинальность идей, но представляет собой размышления над моими убеждениями по поводу сущности и вытекающих из неё достоинств и недостатков аналитической философии. Я выражаю свою благодарность Георгию Черкасову, Александре Никулиной и Родиону Савину за ценные замечания и критику при подготовке этого текста.

выделение главных черт, исходя из которых определяются также и нехарактерные проявления аналитической философии. Согласно этому подходу, объяснение существа АФ должно опираться на канон и руководящие нормы, учитывать социологический критерий академического воспроизведения и отталкиваться от исторических истоков АФ. В третьем разделе кратко рассматриваются некоторые генетические особенности, характерные для АФ, в частности два основных источника её происхождения и исторически сложившаяся укоренённость в английском языке. В четвёртом разделе рассматриваются некоторые социологические и институциональные характеристики, присущие аналитической философии, касающиеся устройства, связи с методологией в широком смысле и проистекающих из них стратегий написания и публикации текстов. В частности, речь идёт о специализации, технлизации и упоре на работу с небольшими, решаемыми проблемами. В пятом разделе предпринимается попытка обобщить сказанное до сих пор и представить стилистический критерий АФ как указание на ряд норм и сопутствующие этим нормам каноны текстов, проблем и способа их решения, присущие ядру АФ. Согласно такой перспективе, АФ оказывается *коллективной* деятельностью по созданию позиций, понятий, различий и аргументов через решение малых проблем. В шестом разделе предлагаются некоторые критические замечания, указывающие на границы эффективности АФ. В частности, речь идёт о фрагментированности, забвении важных философских проблем или меньшей чувствительности к ним.

§ 1.

Попытки определения философии представляют собой настолько же трудное, насколько и прекрасное занятие, ведь, как мы знаем, прекрасное — трудно². Вопрос о сущности философии является, пожалуй, одним из самых важных философских вопросов ввиду того, что он является собой сущность самой философии: он направлен на осмысление той деятельности, которой заняты философы. И поскольку философия

² Возможно, именно трудность этого вопроса и некоторая кажущаяся «легковесность» получаемых результатов приводит некоторых респектабельных отечественных философов к скептицизму относительно метафилософских занятий. Например, Виталий Целищев пишет: «Очевидно, что в отсутствие интереса к чтению серьёзных источников в области аналитической философии либо же в отсутствие соответствующей квалификации в этой конкретной сфере некоторые исследователи начинают разговор о пресловутой метафилософии» (Целищев, 2018, 147). Валерий Суровцев (2010) занимает сходную позицию и видит в отказе от «большой» философии сильную сторону АФ: он выделяет «мелкотемье» и внимание к техническим деталям и нюансам в качестве *достоинств*, позволяющих добиваться *конкретных* интересных результатов.

занята осмыслением наших практик в широком смысле, к ней же относится и её *самоосмысление*; философия — это систематическая рефлексивная понятийная деятельность. Как правило, вопрос о сущности философии поднимается при изменении (или его завершении) в понимании мира, смене исторической эпохи и подведении итогов: этот вопрос инициируется в ходе осмысления изменений и поиска дальнейшего пути. Кажется, именно это происходит в последние десятилетия; под именем метафилософии набирает популярность вопрос о сущности и методах философии, особенно в рамках философии аналитической: только за последние годы вышло несколько фундаментальных работ о природе философии (см. Williamson, 2007, 2018; Dummett, 2010; Rescher, 2014; также см. Шнедельбах, 2018). Та же тенденция видна и в отечественной печати (Никифоров, 2009; Васильев, 2019a; Williamson, 2019; Скрипник 2020)³.

Вопрос о том, что собой представляет *аналитическая философия*, сужает релевантную область; это вопрос о сущности определённой *существующей философии*⁴. Вопрос о том, что такое АФ, оказывается не менее проблематичным, чем вопрос о природе философии вообще. Он широко обсуждается в англоязычной среде, и в последние годы он активно обсуждается среди отечественных философов, см. далее не полный список работ (Шрамко, 2007; Ламберов, 2010; Суровцев, 2010; Шохин, 2013, 2015, 2018а, 2018б, 2024; Целищев, 2000, 2018; Джохадзе 2016; Скрипник, 2018; Макеева, 2019; Васильев, 2019б).

Во многом вопрос о природе АФ актуализируется в связи с её экспансией и развитием по сравнению с её исходными формами и типичными проблемами. К настоящему моменту эти процессы привели к тому, что философы в рамках АФ занимаются практически любой тематикой⁵. Ввиду доминирования АФ в философии последнее время и

³ Следует упомянуть незаслуженно обойдённые вниманием работы о сущности философии новосибирского историка философии Василия Павловича Горана, который не относится к числу представителей АФ (Горан, 1996, 1997, 2007; см. Маслов, 2025).

⁴ У АФ появилась своя история и свои исследования собственных истоков (см. напр. среди прочих многочисленных работ: Dummett, 1993; Preston, 2017, 2019; Глок, 2021). Эта тенденция стала для некоторых авторов поводом заговорить о конце АФ: по их мысли, появление у АФ исторического измерения и отход от изначального *антиисторического* или *а-исторического* задора вместе с отказом от разрыва с предшествующей традицией свидетельствуют об окончательном упадке программы АФ (см. фон Бригт, 2013), однако этот вывод кажется поспешным. Тем не менее, по свидетельству Роберта Брандома, в 70-е годы и ранее в АФ занятие историей философии нередко рассматривалось с пренебрежением, как «мусор», как удел тех, кто не смог заниматься по-настоящему серьёзными, то есть формально-техническими вопросами (Brandom, 2008, 201, 206).

⁵ Хотя это расширение встречает консервативную реакцию: так, очевидно, что упомянутый выше Виталий Целищев негативно относится к расширению тематики, так

частичного вытеснения иных течений в другие дисциплины и области (история философии, литература, литературоведение, теология, социальные науки, медиа исследования, эстетика и т. д.), именно философия как таковая всё чаще ассоциируется с АФ. АФ оказывается крупнее по количеству философов, наличию направлений, школ и течений. Лолита Макеева пишет в связи с этим: «Таким образом, мир аналитической философии является практически самодостаточным миром» (Макеева, 2019, 141). Такая экспансия приводит к размыванию идентичности и отчасти утере характерных черт (см. Джохадзе, 2016; Скрипник, 2018; Джохадзе, 2018), и тем самым к попыткам осмысливать собственное положение, сущность и задачи.

Вопрос об определении сущности АФ не поддаётся простому решению. Проблема состоит в том, что попытки чёткого и содержательного определения упираются в то, что так или иначе какая-то часть АФ остаётся вне рамок предполагаемой дефиниции. В разное время предлагались разные критерии для определения АФ: географический (Nagel, 1936), генетический, предметный, методологический (см. Суровцев, 2010). Как правило, выделяют такие отличающие АФ от других типов философии критерии, как строгость, ясность, рациональная аргументация, опора на науку и формальные методы, отказ от метафор и т. д. Во многом всё это верно, однако суть проблемы определения АФ состоит в том, что ни один из критериев сам по себе не позволяет чётко определить границы искомого понятия и задать необходимые и достаточные условия, которые бы относили к нему все те явления, которые мы склонны интуитивно считать принадлежащими к АФ.

Это создаёт неудобную ситуацию, когда, с одной стороны, нам интуитивно понятно, что такое АФ, но с другой стороны, крайне трудно определить этот феномен удовлетворительным способом. Целищев пишет, что АФ — это «хорошо понимаемое движение» (2018, 140), однако в то же время он отмечает, что «сам термин "аналитическая философия" является расплывчатым собирательным именем для большого числа философских движений» (там же, 142). Поэтому «[л]юбая попытка получить какую-то общую для них характеристику, что и является главной целью автора рассматриваемых статей, обречена на неудачу, ибо такого рода попытки заведомо приводят к сверхупрощениям» (там же, 143). Это верно, хотя в итоге это неизбежно должно приводить к отказу от этих попыток. Кажется, что Виталий Валентинович придерживается в вопросе определения АФ принципа *I know it when I see it* и поэтому не считает этот вопрос действительно интересным,

же как и к «экзотической», с его точки зрения, деятельности некоторых отечественных представителей АФ.

пусть он и вынужден высказываться по этому поводу; он неодобри-тельно отзыкается о попытках определения АФ как об «индустрии» (Целищев, 2018, 138). В силу интуитивной понятности того, что такое АФ, он отказывается от поиска объяснения её природы и предлагает вместо этого заниматься конкретными вопросами в её размытых и интуитивно понятных рамках. Такой подход, хотя и понятен, представляется неудовлетворительным, и очевидно, что многие представители АФ не согласятся с такой установкой на отказ от определения АФ.

Эти размышления поднимают вопрос о том, следует ли вообще говорить о единой традиции, или же скорее мы имеем дело с рядом очень слабо связанных течений, которые мы весьма условно обозначаем как АФ. В силу перечисленных трудностей некоторые авторы приходят к выводу об иллюзорности, фиктивности АФ как таковой (Preston, 2007; см. также обсуждение в Целищев, 2018; Шохин, 2024), то есть о некоторого рода механическом объединении разнородных философий под одним названием. Характерна (хотя и иногда наивна) линия рассуждения, гласящая, что если многообразие индивидов несводимо к единому понятию на основании одного общего свойства, то и соответствующий род не существует, иллюзорен, и разговоры о нём — фикция.

Генетический критерий определения АФ указывает на её сущностные черты исходя из её возникновения из духа борьбы против метафизики британского идеализма, инспирированного Гегелем. Подразумевается, что метафизически настроенная философия не может принадлежать к АФ, поскольку это противоречило бы её изначальному образу. В свете такого критерия существенная часть современных аналитических исследований выпадает за пределы АФ. Даже если считать тенденцию к отказу от идеализма и метафизики ведущей для АФ в 30-е годы, то современная АФ как минимум с 1950-х годов во многом погружена в метафизическую проблематику. В похожем ключе, например, фон Вригт (фон Вригт, 2013) считал, что с появлением исторического измерения внутри АФ она перестала существовать как явление, и нечто новое пришло ей на смену. Тем не менее представляется, что вместо провозглашения конца АФ следует рассматривать эти процессы как новый этап, связанный с возникновением в её рамках исторических исследований и тем самым ростом самоосознания⁶. Тем не менее само суждение о том, что АФ уже закончилась и вместо неё мы имеем что-то иное и новое, не лишено интереса: не исключено, что так оно и есть, однако, даже если так, узнать об этом мы сможем лишь по прошествии времени. Ещё одним примером рабочего, но недостаточного

⁶ Начало этого процесса можно отсчитывать с книги Хилтона (Hylton, 1993).

определения является тезис Даммита, который определял АФ через лингвистический, концептуальный анализ и возводил её истоки к Фреге (Dummett, 1993). Такая концепция натолкнулась на критику Уильямсона (Williamson, 2007), который вполне обоснованно утверждал, что такая дефиниция не может претендовать на полноту и исчерпывающий характер.

В современных отечественных дискуссиях последнего времени также звучат разные предложения в отношении определения сущности АФ. В частности, на специальном семинаре в Институте философии РАН «Что такое аналитическая философия?»⁷ были высказаны следующие мысли. Вадим Васильев (также см. Васильев 2019б) считает, что АФ является прямым продолжением классической философии, тогда как континентальная философия (что бы это ни значило) является не соответствующим ей духом ответвлением, которое поэтому разрывает с классической философской традицией. Сходного убеждения придерживается Дмитрий Иванов, который считает, что АФ — это просто философия, какой она должна быть. В этой оптике всё, что отличается от АФ, как правило, оказывается в той или иной степени девиацией от нормальной, хорошей философии. Евгений Логинов в своём выступлении на семинаре предлагает социологический, или, как он сам его называет, историографический критерий (см. Логинов, 2025). Он заключается в выделении определённого круга канонических представителей ранней АФ и последующем выстраивании ряда генетических преемств по схеме «учитель-ученик», так что аналитическим философом оказывается тот, кто является учеником аналитического философа; этот подход учитывает также цепочки цитирования и прочие формальные аспекты. Артём Юнусов предлагает выдвинуть несколько критерии для оценки, так что в их совокупности они позволяют с большой (но не исчерпывающей) точностью отличить представителя АФ от философа иного толка прежде всего через указание на направляющие нормы и идеалы АФ (Юнусов, 2025). Такие авторы, как Суровцев (2010) и Глок (2021), отмечают, что АФ скорее следует определять через указание на семейное сходство ряда критериев.

Описание природы АФ (как, впрочем, и многих других феноменов) оказывается невозможным в строгом смысле, если оно предполагает в качестве цели законченное определение, позволяющее строго и однозначно указать на все её проявления и всех её представителей (в том числе будущих), а также отличить АФ от любой другой философии, подобно тому как мы можем определять и

⁷ См. запись дискуссии: <https://www.youtube.com/watch?v=qCgCdNEfbjA&t=8133s>.

классифицировать химические элементы по атомной массе. Процессы, связанные с деятельностью разумных существ, не могут быть определены дефиниторно в смысле точных наук: такой подход всегда будет уязвим к контрпримерам и изменениям. Это всегда вызывает «противоречия» (не в строго логическом смысле), поскольку речь идёт о процессах и тенденциях рефлексивной и понятийной деятельности. Эти процессы находятся в постоянном становлении и изменении, что делает дефиницию в строгом смысле невозможной, по крайней мере до тех пор, пока эти процессы не закончены.

Критерий Логинова и подход Юнусова кажутся мне наиболее перспективными. В то же время социологический критерий, будучи формально верным, не даёт нам содержательной информации о том, чем *характерна АФ*. Такой подход при всей привлекательности содержит также и следующую проблему: в случае наличия нескольких учителей, часть из которых не принадлежит АФ, он, кажется, не позволяет определить принадлежность или непринадлежность философа к АФ. Также он не учитывает возможность «смены лагеря», когда философы «континенталы» становятся аналитиками и наоборот. Вспомним случай Рорти и его ученика Брэндома, который находится под влиянием Гегеля; сам Рорти был учеником Карнапа и других философов, что, согласно социологическому критерию, делает его частью АФ, а Брэндом был также учеником Селларса. Что касается нормативного подхода, предлагаемого Юнусовым, то можно представить философов, формально или социологически принадлежащих АФ, но едва ли удовлетворяющих её идеалам и нормативным ориентирам (к примеру, Ирад Кими⁸).

§2.

В свою очередь, я хотел бы предложить *типический* подход к определению АФ, предполагающий отказ от попыток строгой дефиниции. Вместо этого он является собой попытку помыслить типическое, характерное, в то же время оставляя место и для нехарактерных, нетипичных случаев. Принятие такого подхода требует признать, что не всё многообразие проявлений АФ будет отражено в определении равным образом: принадлежность к АФ градуальна и зависит от нескольких параметров. Однако, пожалуй, это точное разграничение и не требуется, если удастся схватить типическое и существенное. Более серьёзная проблема и источник споров кроется в том, что именно определять как типическое и насколько такое типическое действительно отражает природу АФ. Исходя из очерченных в прошлом разделе трудностей,

⁸ См. обсуждение его книги на русском языке на семинаре МЦИС: <https://www.youtube.com/watch?v=tbPIuj7rNyY>.

вероятно, не стоит ожидать единодушия в попытках определения АФ: в спорах всегда возможно выделение конкурирующих определений. Предлагаемый подход не будет срабатывать в некоторых случаях, и поэтому его не следует воспринимать как слишком строгий и ожидать от него больше, чем он способен дать. Ясно, что в случае разговора о философии как о деятельности разумных и свободных существ не следует слишком серьёзно относиться к дефинициям, поскольку они изменчивы и контекстуально зависимы (для разных целей мы можем использовать разные понятия) и допускают иные типологии. Тем не менее они необходимы хотя бы для ориентации и в качестве рабочих определений, при всём несовершенстве таковых⁹.

Попытка осмысливать сущность вещи является именно философской. Это означает, что связанный с подобной попыткой дискурс будет подчиняться несколько иным правилам, нежели речь о предметах в мире. Как правило, все общие высказывания, которые не касаются объектов неживой природы, оказываются лишь каноническими, то есть они предполагают знакомство с *нормальными* случаями, что подразумевает

⁹ Стоит подчеркнуть, что не следует слишком серьёзно воспринимать деление философии на АФ и континентальную философию. Более того, если утрировать тенденцию к проведению различий, то следует признать, что АФ как таковой не существует, поскольку выделение нескольких подгрупп или течений позволяет сделать вывод об условности или *фактивности* понятия АФ, как это делает Престон. Известный отрывок из книги Уильямсона с перечислением совершенно разных представителей АФ является хорошей иллюстрацией:

Не имеет смысла отрицать, что такие философы являются «аналитиками», поскольку этот термин привычно применяется к широкой, нестрогой традиции, связанной внутренней каузальной сетью влияния и коммуникации, а не совместно разделяемыми сущностными свойствами или общим методом: что общего у Фреге, Рассела, Мура, Витгенштейна, Карнапа, Айера, Куайна, Остина, Стросона, Дэвидсона, Ролза, Уильямса, Энсома, Гиса, Армстронга, Смарты, Фодора, Даммита, Уиггинса, Маркуса, Хинтники, Каплана, Льюиса, Крипке, Файна, ван Инвагена, Стальнакера, так что это позволяло бы отличить их от неаналитических философов? ... «Аналитическая философия» является выражением живого языка, попытка стипуляции определённого смысла (для её обозначения), которая исключает из неё многих из только что перечисленных философов, не достигнет ничего, кроме недолгой терминологической путаницы (Williamson, 2007, 21).

Как объединить философию обыденного языка и логических позитивистов, аналитический марксизм и диалетизм, pragmatism и неоаристотелизм и т. д.? Скорее, я бы предложил прочитывать вывод Престона более мягко: как тезис о несводимой к одному понятию множественности проявлений АФ, из чего не следует делать вывод о её фактивности. Специфика АФ и её обсуждение имеет смысл при сравнении её с другими формами философии, и если мы уже находимся в рамках АФ, то общность теряет значение, и на первый план выходят различия.

хотя бы смутное знакомство с исключениями или нетипичными проявлениями. Только точные науки могут позволить себе квантификацию по предметным областям без введения исключений (что не означает, что и в точных науках не может быть исключений и нестандартных случаев). Иными словами, философия высказывается не в дескриптивном ключе об индивидах, но о *классах* индивидов и нашей понятийной деятельности, их соотношениях и устройстве, а также об устройстве нашей речи о них (семантика, прагматика, эпистемология и т. д.) Философия как выявление сущности вещей в мире будет отличаться от философии как исследование процессов, связанных с деятельностью мыслящих существ, здесь можно говорить о философии объектного и высшего уровня (мета-философии, или мета-метафизики).

Высказывания о философии, как правило, имеют ограниченный по широте применимости и охвату характер, хотя в другом отношении они принимают форму всеобщих, неограниченных высказываний (по крайней мере, они претендуют на такую форму). Они оказываются контекстуально зависимыми, хотя и, как правило, стремятся быть абсолютными, несвязанными контекстами и прочими ограничениями. Это означает, что определённое высказывание, например, что философия занимается концептуальным исследованием, будет хотя и верным, но неполным или недостаточно точным содержательно, ведь и физика создаёт понятия и уточняет их. Высказывания о типическом, о трендах и тенденциях как об изменении типического в философии создают впечатление господства той или иной теории или точки зрения, особенно в учебных пособиях, однако такие высказывания, как правило, упускают или не придают значения тем фактам о философиях, которые не вписаны в общую картину. Скажем, можно говорить о господстве (нео)кантианства в философии в конце XIX века, и это будет верно именно в смысле тенденции, но не в том отношении, что в это время не было никаких других альтернатив. Однако мы с основанием выделяем некоторую философию как доминирующую ввиду произведённого ей воздействия и привнесённых новшеств; мы говорим о ней, потому что она существенна и оказала влияние на развитие нашего понятийного аппарата и перспективы, наших предпосылок. Доминирование также ограничено во времени и географически. Сегодня иногда (особенно это касается немецкой философии) говорят про отказ от идеализма и от метафизики вообще, о господстве натуралистической картины мира модерна, основанной на эмпирическом естествознании и исключении сверхъестественных сущностей (см. Schnädelbach, 1992; Habermas, 2000; Lutz-Bachmann, 2018). Хотя в некотором смысле это верно, поскольку, действительно, в *западной* философии в настоящее время

преобладают ориентированные на научное мировоззрение теоретические комплексы, однако такое высказывание может быть «опровергнуто» ссылкой на *современные метафизические теории идеалистического* характера (в том числе в АФ), которые предлагают полнокровный идеализм догматического толка в кантианском смысле слова (например, панпсихизм или идеализм Бернардо Каструпа) или хотя бы элементы такового. Кроме того, другие философские традиции не подпадают под эту характеристику. Поэтому высказывания о философии составляют видимые «противоречия» в гегелевском смысле (философия есть А, философия есть не-А), поскольку высказываются о «бесконечных» или «абсолютных» предметах, то есть о процессах и сознательной человеческой деятельности, которая имеет автореферентный характер, направлена сама на себя. Поэтому речь о таких предметах порождает проблемы и «противоречия». Такие высказывания, если понимать и принимать их буквально, окажутся ложными¹⁰ или, в гегелевском идиолекте — «односторонними», поскольку они будут высказывать лишь частный случай и выделять некий аспект, хотя в то же время по праву претендовать на значимость в смысле преобладания или господствующей тенденции в заданном контексте или определённом смысле. В многообразии проявлений философии требуется именно попытка выявить типическое, хотя оно и будет «опровергаться» или ограничиваться не вписывающимися в схему частными случаями и исключениями. Выявление типического означает и признание его ограниченности с точки зрения *целого*, хотя типическое и *характерно*, и требуется осознание и концептуализация нетипического, выходящего за его рамки¹¹. Это предполагает как учёт философий

¹⁰ Известно, что Крипке называл все предшествующие философии ложными, тогда как Дэвидсон указывал на то, что большая часть наших убеждений истинна. Думается, что хотя бы некоторая их часть относится к философии. Оба эти высказывания верны, хотя и в разном отношении и в разной степени; кажется, что Крипке сам не понимал, в чём он прав и в чём он неправ, а его понимание философии было (как минимум на 1980 г.) весьма наивным.

¹¹ Здесь следует прояснить понятийные средства, используемые Гегелем. Для описания объектного уровня рассмотрения предметов он использует понятия «конечного» и «рассудочного» познания. Поскольку такое познание не является рефлексивным и в этом смысле не может выйти за свои пределы, оно противопоставляется спекулятивно-разумному (абсолютному) способу познания, который оказывается рефлексивным и направлен сам на себя. Всякая форма философии, представленная в истории, оказывается истинной в смысле контекстуальной зависимости от конкретных предметных областей, для которых она оказывается адекватной, но она оказывается *односторонней* или, что в идиолекте Гегеля то же самое, *ложной*, если рассматривается как безгранична и контекстуально независимая, поскольку частная философия не удовлетворяет требованиям холизма. Только холизм, определённого рода логическая география наших предметных областей, оказывается «истинным». В этом отношении Гегель предстаёт как

с точки зрения их популярности или распространённости, так и разделение на разные предметные области с разными онтологиями, эпистемологиями и т. д. С одной стороны, если мы говорим о профессиональном академическом сообществе АФ, то упомянутый Каструп выглядит одиноко на фоне подавляющего большинства физикалистов, однако с точки зрения философии как убеждений обычных людей «спиритуализм» в той или иной форме окажется весьма и весьма популярным, хотя, как правило, и неотрефлексированным убеждением. С другой стороны, допустим, что существенное количество аналитических метафизиков являются редуктивными физикалистами, из чего в первом приближении должно следовать отрицание существования свободы воли. Однако иные дисциплины, такие как этика, эстетика, социальная философия, философия действия и прочие, во многом или целиком основаны на признании агентности, то есть свободы воли и выбора хотя бы в некотором минимальном смысле. Отсюда становится несколько яснее значение гегелевской формулы, если мы применим её в высказывании о философии: она есть А, и она же есть не-А, хотя и в разном смысле и отношении.

Такой типический подход к определению требует включения в него нескольких критериев, которые можно нечётким образом поместить в рамки одной категории. Мне кажется наиболее интересным и перспективным понятие стиля мышления¹². Стилистический критерий выражает «душу» философии, которая связана с каноном и набором ценностей и правил, составляющих дух философии. Говоря о стиле, я имею в виду не текст и форму выражения (хотя в трудно поддающемся определению смысле это связанные вещи), но скорее некоторые родственные, генетически (т. е. в силу своего развития в рамках исторической преемственности) связанные способы, рамки и нормы мысли и исследования. Это понятие включает в себя и вопросы тематики, метода исследования, способа мышления, написания текстов как таких сущностей, в которых и философия «хранится» наряду с живой речью и практиками. Помимо устной речи, существенно ограниченной географически и во времени, именно тексты являются преимущественным посредником и в этом смысле «домом» философии — тем, что поддерживается устной традицией и поддерживает её. Это верно и для

метафилософ по преимуществу, и его философия предстаёт как систематическое исследование форм философии как понятийных форм мысли, действительного проявления разума в наших практиках.

¹² Макеева (2019, 135) указывает на особый стиль мышления и философствования. Логинов отказывается от стилистического критерия как недостаточного. Здесь стоит указать на криптическое высказывание Кирилла Родина о том, что стиль является наиболее важным в философии (в личном разговоре).

АФ. Это так или иначе образует и задаёт рамки изначального *канона*, который формирует последующую традицию (позитивно и негативно); такой канон может и неизбежно будет претерпевать изменения, однако сохраняя при этом преемственность общих норм, правил и идеалов.

Наиболее важное в искомом понятии, пожалуй, можно определить через влияние аргументов и концепций на ход дискуссий и обсуждение проблем в той мере, в которой это меняет философский ландшафт. Такие влияния направляются нормами и идеалами, разделяемыми философами. В этом отношении работы Куайна и Карнапа оказываются фундаментальными для обсуждения вопросов языка и онтологии, Крипке — для вопросов модальности и метафизики и т. д. Кажется, что обсуждение устройства науки, идеального языка и сходных проблем, которые были центральными в первой половине прошлого века, отступили на второй план, хотя такие дискуссии всё ещё ведутся. Тем не менее эти проблемы задали образ и ядро АФ, так что она связана с вниманием к языку, эксплицитной аргументацией и опорой на логику (даже если мы отрицаем то, что владение символической логикой является обязательным условием для принадлежности к АФ), попыткой постичь вещи «объективно», подобно научному познанию.

§3.

Попытка определения типического в АФ должна охватывать и прошлое, и возможное будущее, если только мы хотим видеть единство в традиции и не разделять её на разные философии. Поэтому прежде всего хотелось бы предложить *генетическую* попытку определения АФ как типа философии, который возник и исторически укоренился в *английском* языке и прежде всего в Британии и США, откуда уже последовала экспансия в другие страны. АФ социологически восходит к этим истокам, связь с которыми обеспечивает генетическую преемственность по «инициации» от учителя к ученику (см. раздел 4). Пожалуй, можно согласиться, что изначальный импульс АФ возник в «восстании» против идеализма и в попытках решить философские вопросы через исследование языка. Сходные программы уже имели место до того в центральной Европе, однако ясное самосознание этой деятельности, кажется, впервые приходит именно с этим «восстанием». Этот тип философии связан с наукой, (проистекающим из неё) здравым смыслом, формальными (математическими и логическими) методами. АФ ориентирована на *научный* идеал философии, а не религиозный, эстетический и т. д., с упором на точность, строгость, модельно-теоретические методы, доказуемость, связанность с фактами и т. д. Такой идеал науки близок к позитивизму, а не тому идеалу, который

разделяли, скажем, немецкие идеалисты. Это во многом накладывает печать и на последующие поколения аналитических философов, то есть на всю традицию.

Здесь мы сразу наталкиваемся на затруднение, поскольку АФ в действительности происходит из двух источников, то есть со множеством учёных и философов, связанных общими дискуссиями в конце XIX и начале XX веков. С одной стороны, ядро АФ составляют эмпирически настроенные *британские* философы, прежде всего это, разумеется, Рассел и Мур, которые сами находились в традиции Локка, Беркли и Юма, Милля и Бентама¹³. С другой стороны, вышеупомянутые философы образовывали общую сеть и находились в контакте с философами из Западной и особенно Центральной Европы, среди которых также находятся центральные для АФ фигуры. Вторая ветвь АФ выстраивалась вокруг проблем языка и логики, она включала в себя немецких, польских и австрийских философов, учёных, математиков и логиков. В число отцов-основателей, помимо Рассела и Мура, как правило, включают и Фреге, иногда также и философов в Австрии (Шлика, Карнапа и прочих)¹⁴. В силу исторических причин многие европейские представители были вынуждены эмигрировать, и в некотором смысле именно они «завезли» АФ в США. Речь идёт про такие фигуры, как Карнап, Гемпель, Райхенбах, которые повлияли на таких американских философов, как Нагель, Селларс и Куайн; последний в некотором смысле стал лидером АФ в США. Именно его ученики зачастую задают тренды в современной философии. Вероятно, эта генетическая разница ответственна за отличия британской и американской ветвей АФ с Расселом, Витгенштейном, Стросоном и Райллом с одной стороны и Куайном, Райхенбахом, Карнапом и т. д. с другой. Британская традиция больше склонна к концептуальному анализу (например, Стросон и Даммит), тогда как американцы — к формальным подходам в духе позитивизма с Куайном в качестве эталона (Loux & Zimmerman, 2003, 2). Витгенштейн выступает некоторого рода фигурой, которая объединяет Рассела и Фреге, и тем самым эти две ветви АФ, однако сам он находится в маргинальном положении относительно его принадлежности к АФ, несмотря на всё его огромное влияние. Как Маркс не хотел быть

¹³ Если зайти на кафедру философского факультета в каком-либо городе России, населённую представителями АФ, велика вероятность увидеть портреты этих персонажей, которые дополняются портретами Витгенштейна, Фреге, иногда и Пирса или Гёделя.

¹⁴ Иногда поиск истоков АФ доходит и до включения «экзотических» фигур вроде Пуанкаре; на этом настаивал проф. Хайнцманн на конференции по аналитической философии в 2015 году в Томске.

марксистом, так и Витгенштейн вряд ли был бы согласен называть себя аналитическим философом.

Так или иначе, АФ укоренилась именно в английском языке и в англоязычных странах. Более того, ведущие дискуссии как правило оказываются связаны именно с научными центрами в США, Британии и Австралии: как кажется, они задают тон для остальных центров АФ. За редкими и отчасти экзотическими исключениями, АФ до сих пор преимущественно производится на английском языке, пусть иногда и философами из таких стран, как Германия, Франция, Италия или Россия (этот ряд можно продолжить). Литература, производимая на национальных языках (как, например, в нашей стране), является, как правило, весьма вторичной (даже если это солидное исследование) по своему влиянию; нередко такие исследования оказываются описательными или аналитическими по характеру (концепция С в работах аналитического философа н). Уже в силу публикации на ином, нежели английский, языке такие работы остаются без внимания. Философия, в отличие от объектных областей знания, всегда завязана на родной язык, и это сказывается на свободе в способе и широте выражения и мысли, а также проявляется в *стиле*. Разные языки представляют разные по эффективности средства для философствования, которые могут лучше или хуже отвечать потребностям некоторого типа философии¹⁵.

Несмотря на то, что АФ вобрала в себя изучение и инкорпорирует элементы чужеродных философий (Кант, Гегель, Хайдеггер и т. д.), эти элементы и те проблемы, в постановку и решение которых они включены, не конституируют ядро АФ и так или иначе остаются на её периферии. Из этого не следует, что АФ никак не касается этих проблем, однако она делает это иначе, на своём языке и своим способом, хотя и приходит к тем же или сходным результатам; в качестве примера можно привести такие интересные концепции, как холизм Куайна, инференциализм Селларса, социальная и языковая нормативность Сёрла, прагматизм Брэндома и т. д. Однако даже обращение к идейному багажу неаналитических философов, как правило, оставляет за рамками многие центральные темы других традиций, так что можно сделать предварительный вывод о весьма выборочной априории. В конечном счёте

¹⁵ Нередко встречаются утверждения о том, что такой элемент, как артикли, лучше помогает в устранении двусмысленности, и, конечно, они имеют под собой основания. В этой связи нельзя не упомянуть идею Пирмина Штекелера-Вайтхофера, который подразделяет языки на «городские» и «деревенские» по их инструментарию и естественной способности работать с абстрактными объектами. В категорию первых попадают древнегреческий и немецкий, во вторую — почти все прочие европейские языки, включая английский и русский. Среди его многочисленных текстов см., напр. (Stekeler-Weithofer, 2023, 166).

часто аналитики занимаются своими проблемами и упускают что-то иное.

§4.

Стоит сказать несколько слов о социологической или институциональной структуре, которая определяет облик АФ и выражает в себе её характерные черты¹⁶. АФ развивается через решение конкретных или небольших проблем (puzzles). Это сопровождается установкой на отказ от систематической¹⁷, всеохватывающей философии и уклоном в технический характер рассмотрения вопросов, отказом от общей картины. Часто это выражается в попытках начать с простейшего в онтологии и объяснении (и это уже несёт в себе определённые пресуппозиции; условно это можно назвать «атомизмом»). Например, в философии сознания до сих пор часто работают исключительно с феноменальными состояниями и редко обращаются к более сложным содержаниям сознания: к мыслям, разуму и т. д. В рамках такого методологического атомизма едва ли удастся удовлетворительно ответить на вопросы о природе простейших проявлений сознания и продвинуться к более сложным формам и содержаниям сознания. В иных случаях обсуждение ограничивается, например, небольшими или локальными проблемами в метафизике (причинность в биологии и т. д.) без выявления следствий некоторой позиции для эпистемологии, этики и вопросов ориентации в мире, экзистенциальных вопросов¹⁸. Насколько я могу судить, предлагаемые такой философией решения редко соприкасаются с потребностями науки и учёных и далеко не всегда вызывают их понимание и интерес. Тем самым, как правило, «большие» проблемы игнорируются или разбиваются на меньшие, удобные для частного рассмотрения и решаются посредством анализа, уточнения, выяснения смыслов, предложения аргументации в пользу одной из альтернатив¹⁹. Хочу подчеркнуть: указание на недостатки такой установки не означает необходимости отказа от неё вообще. Более того, сказанное выше не

¹⁶ См. (Коллинз, 2002) об устройстве философии с точки зрения социологии интерактивных ритуалов. Фуллер (Фуллер, 2020, 2021) местами подробно описывает детали институционального становления АФ.

¹⁷ Говоря о систематической философии, я имею в виду не дистинкцию систематический/исторический, но подразумеваю тип философствования, который ориентирован на построение системы всей философии, так что предлагаемые решения в его рамках даются не *ad hoc*, но с учётом их значения и следствий для других областей.

¹⁸ Под этим я имею в виду потребность, на которую отвечает некоторое предложенное решение некоторой метафизической проблемы, помимо узко-теоретической (уточнение, решение другой теоретической проблемы и т. д.).

¹⁹ Это не значит, что все до единого философи в АФ отказываются от этого; лучшие из представителей АФ выходят к обсуждению таких вопросов.

значит, что все представители АФ отказываются от холизма и некоторых далёких от здравого смысла позиций и предпосылок в своей философии; АФ оказывается всеядной и способной вместить в себя очень многие, хотя и не любые позиции. Но всё же систематические попытки развития АФ и исследования больших вопросов оказываются зачастую зажаты в методологические и стилистические, институциональные рамки и ограничены этими рамками. При решении вопросов природы необходимости, существования чисел, ценностей, вопросов семантики и т. д. АФ остаётся весьма технической и не соединяет свои наработки в некоторую цельную и фундаментальную картину.

В этом состоят как сильные стороны и связанные с ними успехи АФ, так и её недостатки. Описанная форма устройства академии позволяет коллективными усилиями многих философов массивно проводить концептуальные исследования и решать частные проблемы²⁰. Как *коллективная* деятельность АФ обладает большим потенциалом, поскольку позволяет продумывать мельчайшие детали, выстраивать тонкую аргументацию и в большом количестве создавать очень нюансированные различия и понятия. Скажем, метафизика естественных видов может исследоваться десятками философов в разных аспектах, что позволяет создать беспрецедентную по детализированности сетку понятий и различий в виде десятков книг и сотен статей, включая обсуждение конкретных примеров в биологии, химии, физике. Это создаёт ситуацию высокой конкуренции, разделения труда и узкой специализации, что влечёт за собой высокие технические требования к освоению релевантной литературы, владению методом и, в частности, некоторыми логическими компетенциями. Это определяет довольно высокую конформность в плане требования к аргументации, написанию и оформлению текстов. Это сопровождается и закрепляется техническим характером дискуссий и большим количеством производимых текстов, так что для сохранения статуса специалиста, как правило, требуется глубокое погружение и знание большого количества узконаправленной литературы по именно этой тематике за последние 15–20 лет. Тем не менее такая подготовка возможна для широкого круга студентов, что предоставляет понятные и сравнительно доступные для освоения модели для подражания и обучения и более понятную и простую стратегию входа в профессиональное сообщество. В рамках «континентальной» философии едва ли возможно настолько же чётко выделить

²⁰ Здесь я хочу процитировать историка философии Свена Кнебеля, который цитирует Жан Поля: «"Великие эволюционные изменения в истине происходят только посредством коллективного исследования всего цеха мыслителей" ... Несокрушимый кульг гения влечёт за собой то, что гигантские дискурсивные формации приходят в запустение в историческом сознании» (Кнебель, 2015, 310).

эксплицитные требования для входа в сообщество и критерии хорошей философии.

Такая специализация и технизация АФ создаёт достаточно высокий порог для входа в сообщество и участия в дискуссиях, что зачастую ведёт к тому, что только ученичество у ведущих авторов позволяет полноценно влиться в обсуждение; даже весьма широкий и быстрый доступ к зарубежным текстам, открывшийся для отечественных авторов в последние годы, не гарантирует полноправного вовлечения в дискуссии и равноправного участия²¹. Далеко не все тонкости и технические особенности можно почерпнуть из текстов; напротив, личное знание *как*, полученное из первых рук, является важным условием (разумеется, не единственным и недостаточным само по себе) для включения в дискуссии и тренды. Знакомство и вхождение в АФ лишь по статьям, как правило, означает отставание и закрепляет периферийный статус (хотя такая ситуация может измениться благодаря быстрому изменению цифровой среды, характера производства текстов и доступа к ним). Во многом по этим причинам (плюс в силу языкового барьера и проч.) обсуждение и дискуссии в АФ на национальных языках, кроме английского, оказываются вторичными.

При этом нередки случаи, когда один философ может заниматься несколькими темами. Однако его работа в этих областях в таком случае будет, как правило, весьма ограничена: едва ли сегодня в АФ возможно одновременно охватить несколько тем. Сегодня трудно представить себе «тотальных» авторов, которые оказали бы глубокое влияние на несколько или большинство дисциплин, как это можно наблюдать в философии у древних греков или немцев; пожалуй, можно назвать Кассирера (или, возможно, на эту роль подходит недавно скончавшийся философ Николас Решер). Даже если некоторый автор (возможно, к ним можно отнести Патнэма, Льюиса, Чалмерса и т. д.) охватывает множество тем, зачастую они не связываются в некоторую систему и остаются разбросанными; к тому же локальные позиции авторов часто могут меняться в течение времени, и ярким примером тому является эволюция взглядов упомянутого Патнэма.

Структура проблемных полей и дискуссий не является ригидной, и это даёт пространство для динамичного образования новых сообществ. Новые темы находят своих исследователей, что порождает и

²¹ Хотя современные средства связи, большая доступность текстов и средств автоматического перевода могут привести к существенным изменениям и большей гомогенизации пространства философии, пока что этот комплекс факторов не выливается в то, что периферийные философы выходят на ведущие позиции. Вероятно, именно личное общение, прежде всего на уровне учитель-ученик, остаётся решающим для формирования новых поколений философов.

новые подсообщества, задают свои локальные каноны и способы обращения с проблемами. (См., например, дискуссии вокруг таких тем, как фундирование (grounding), концептуальная инженерия и т. д.). Однако они всё же несут в себе генетический след своего происхождения и основных взглядов на идеологию (в смысле Куайна) и методологию: опору на науки, рассмотрение вопросов от простого к сложному и т. д.

Всё это находится под влиянием факторов институционального уровня, а также отражается на политике публикационной активности, которая требует регулярных публикаций журнальных статей, помимо основной преподавательской деятельности. Такая политика известна как *publish or perish*. Это приводит к увеличению публикаций и связано с менеджерским по духу стремлением к повышению публикационной активности, форматом узкоспециализированных статей, так что производство знания в виде опубликованных текстов в рецензируемых журналах увеличивается, а специализация углубляется.

Это позволяет осуществлять довольно быстрое воспроизведение профессиональных философов, что, в свою очередь, способствует возникновению множества локальных перспектив внутри одной области и существованию разных областей. Всё это способствует тому, что АФ становится самодостаточным миром. В этом состоит институциональная и организационная сила АФ, которая позволяет ей занимать по праву доминирующие позиции в современной философии²². В некотором смысле подход к проблемам в АФ связан с ее институциональной организацией, так что они поддерживают друг друга.

Огромный позитивный эффект состоит в исследовании и создании тонких понятийных различий и аппаратов для разных задач. Уровень производства философского знания оказывается беспрецедентным. Достигается философский прогресс в понимании устройства категорий и выявления следствий из наборов посылок. Отсюда происходят многочисленные -измы и теории, пронизывающие все области АФ. В этом состоит несомненное увеличение концептуального богатства и понимание тупиковости определённых аргументов или аргументационных стратегий. Разногласия и противоречия неизбежны, они являются двигателем такого умножения понятийных различий.

²² Кристофф Шуринга подвергает АФ критике как идеологию, сохраняющую статус-кво и оказывающуюся консервативной политической силой, которая, несмотря на видимую нейтральность и аполитичность, сохраняет и поддерживает капиталистический либеральный порядок (Schuringa, 2024).

§5.

Социологический критерий касается внешнего устройства философии, и его не следует обходить стороной. Содержательный критерий, напротив, следует определять скорее не через конкретные темы или методы, но через направляющие принципы, правила и нормы; метафорически это можно назвать «духом» или идеей философии. Он выражается в каноне классических авторов, текстов, а также принципов и целей, что позволяет в совокупности учесть и внешне-социологический, и содержательный факторы. Носителем и актором таких принципов являются сообщества и составляющие их индивиды, так что принципы манифестируются в производимых текстах, способах ведения дискуссий, круге проблем, способе их постановки и обращения с ними и т. д. Несмотря на то, что классические проблемы и темы изначальной АФ сегодня отошли скорее на второй план, они до сих пор оказывают влияние посредством генеалогического преемства, поскольку выступают в качестве эталона и канона при обучении студентов.

Очевидно, что канон и рассматриваемые проблемы не являются неизменными, однако они континуальны и определяются (по крайней мере, отчасти) через генеалогическую преемственность. Продуктом сообществ является канон авторов, текстов и обсуждаемых проблем. В этом смысле канон выражает характерное или типическое, он определяет *стиль мышления, письма, аргументации и т. д.* Канон имеет и социологическую функцию, поскольку он используется при обучении философов. Канон АФ также не поддаётся однозначному определению, но представляется возможным говорить про генетически связанную *серию* канонов, объединённую сходными нормами и целями, и презентирующих их философов: Фреге, Рассел, Витгенштейн, Остин, Райл, Куайн, Карнап, Райхенбах, Дэвидсон, Патнэм, Крипке, но также и Макинтайр и Ролз, Макдауэлл и Рорти и т. д. Возможно, следует говорить о суб-канонах, представляющих разные течения в АФ, которые восходят к общим истокам и направляются сходными, родственными принципами и целями.

Роберт Брэндом замечает, что АФ в своих истоках была враждебна по отношению как к истории, так и к систематической философии (т. е. холизму) (Brandom, 2002, 1). В другом месте он отмечает, что формальная, вдохновлённая математикой традиция Фреге, Рассела и т. д. противостоит антропологической, социально-практической философии и направлена на дефляцию систематических и теоретических амбиций (Brandom, 2008, 8). В XX веке АФ отличалась сильной эмпирицистской и физикалистской тенденцией (Brandom, 2009, 1). Разумеется, эти

тенденции претерпевают изменения, но в то же время они оказываются континуальными, характерными.

В самом деле, АФ часто определяется через ориентацию на опыт, науку, здравый смысл, точность, содержательность и ясность языка²³. Поскольку сами науки не являются монолитом, речь прежде всего про формальные методы математики и логики, а также содержательные моменты наиболее фундаментальных дисциплин: физики и уже затем химии, биологии и т. д. Использование логики и ориентация на эксплицитную аргументацию характерны для АФ. Это выражается в перенятии логической и математической лексики и методов, стремлении к прояснению и устраниению двусмысленности и в целом в попытке контроля языка, прояснения и уточнения посылок во имя ясности. Аргументация поддерживает некоторый в той или иной мере эксплицитный тезис или позицию (те самые многочисленные, но локальные -измы). Аргументация выходит на первый план, поскольку выявление предпосылок, формулирование чётких и конкретных тезисов позволяет лучше контролировать валидность и проверять посылки на истинность. Как правило, детальная аргументация вызывает к жизни ещё более детальную и даже мелочную аргументацию и ещё более частные и детализированные тезисы, поскольку слишком общие тезисы уязвимы к контрпримерам и поверхностным возражениям. Отсюда следует ориентация на конкретные примеры с использованием конкретных высказываний и мысленных экспериментов. Кажется, что отчасти именно в силу институциональных причин такой способ мышления и речи также оказывается характерным: он удобен для написания относительно небольших текстов. Это позволяет проводить детальное обсуждение посылок и валидности аргумента и силы тезиса (-изма) и превращает философию в «индустрию» (в смысле Адорно), делает довольно легко понятным и воспроизводимым делом. Опора на науку или здравый смысл дают содержание, предмет анализа, направленного на прояснение, улучшение, уточнение, попытки непротиворечивого совмещения уже имеющихся научных практик.

Предложенный образ функционирования АФ напоминает одно выражение из «Феноменологии духа» Гегеля, которое я поместил в заглавие всей статьи: *das dumpfe Weben des Geistes*²⁴, что можно перевести

²³ Алексей Глухов выделяет в качестве основных черт АФ следование правилу и коммуникативную открытость, понятность, отказ от мистериального разделения на посвящённых и непосвящённых в особый язык и таинства, которые, как правило, характерны для тех, кого относят к континентальной философии (в личном общении).

²⁴ См. (Hegel, 1980, GW 9, 310; Гегель, 2000, 293). Также он говорит о «безмолвном продвижении духа вперёд», *das stumme Fortweben des Geistes* (Hegel, 1980, GW 9, 296; Гегель, 2000, 279).

как тихое, незаметное, подспудное, глухое, блёклое плетение, работу духа по созданию новых понятий и дистинкций. Образ плетения отсылает к ткачеству или паутине. Метафора паутины имеет важное значение для понимания устройства философии и знания вообще, поскольку она указывает на холистическую, инференциально устроенную сеть наших убеждений и знания, так что при изменении некоторых из них вся сеть приходит в движение и изменяется. Разумеется, здесь следует вспомнить идеи Селларса и Куайна (в частности, логическое пространство оснований и *web of beliefs*). Тем самым, хотя соответствующая тенденция присутствует во всякой философии, АФ можно, в сущности, назвать таким тихим плетением духа: её способ работы маленькими шажками и упор на конкретной и подробной аргументации весьма точно подпадает под это описание.

Отсюда происходит ориентация АФ на контролируемые и строгие методы наук объектного уровня, квантификацию в пределах сортальных и полусортальных областей и попытки проекции такого подхода на все предметные области, как если бы квантификация была панацеей. Это попытка говорить обо всём в квазиэмпирическом ключе, как если бы мы говорили об эмпирических объектах; АФ при этом менее чувствительна к континуальным процессам, воплощением которых является история. Соответственно, АФ действительно стоит понимать как рациональное предприятие с целью познания мира, которое ориентируется на вдохновлённые научной практикой подходы. Отсюда следуют нормы ясности, точности, содержательной речи, избегания софизмов и т. д.

Стоит отметить очевидный фокус на аргументации, иногда доходящий до превалирования аргумента над важностью и интересностью позиции в целом. Это отражается в том, что происходит потеря общей картины, фрагментация, которая создаёт замкнутые в себе “пузыри” с подчас очень специфической и странной аргументацией, которая оторвана от другого знания. *Аргументацию* можно подвести под что угодно, и иногда это приводит к потере содержания как такового или же создаёт видимость строгой аргументации для нелепой позиции или же нелепой аргументации для очевидной позиции (здесь можно вспомнить Мура и его руки, при этом он промахивается мимо своей мишени).

Обсуждаемые выше вещи образуют определённый *канон*, который возможно описать, но для которого едва ли возможно дать точную дефиницию; он задаётся определёнными классическими текстами, которые определяют круг тем и проблем, а также руководствуется нормами и принципами. Этими темами и проблемами являются семантика, логика, метафизика, проблемы познания и эпистемология,

философия сознания и т. д. Это как раз и влечёт за собой классические критерии и идеалы ясности, точности, аргументации, опору на науки, по возможности избегание метафор и риторических фигур и т. д. Под влиянием такого канона аналитические философы даже в прошлом усматривают совсем другие темы и вопросы; скажем, Гегель Брэндома занят проблемами семантики и нормативности. Конечно же, эти темы не чужды Гегелю, однако он занимался и многими другими проблемами: тем, что мы сегодня бы назвали коллективной агентностью, социальной онтологией, философией религии и истории и т. д., которые только недавно стали предметом внимания и разрабатываются, как правило, без учёта философии Гегеля.

§6.

Из сказанного выше вытекает и критика, бросающая свет на недостатки АФ. Эта традиция может и должна являться предметом критики в кантовском смысле: так или иначе, всякая философия ограничена и лучше подходит для одних целей, чем для других. Было бы не совсем верно просто отказываться от определённых потребностей и связанных с ними философий. АФ и не может равным образом осуществлять все функции философии в её историческом и нормативных аспектах; поэтому если мы признаем АФ просто продолжением классической философии или философией вообще, то мы рискуем видеть в философии прошлого только то, что соразмерно или созвучно АФ, и упускать то, что АФ в ней не видит (и, пожалуй, не может видеть). Тем самым упускается специфика самой философии и отчасти самой АФ. Философия по определению шире, чем одно из её проявлений.

Представленные выше характеристики позволяют очертить ряд взаимосвязанных критических замечаний в отношении АФ. Философия, образующая определённого рода сеть и представленная перечисленными (а также многими другими) философами, изначально выступала в качестве протеста и восстания против *определенного* типа метафизики, и это, в свою очередь, определяет тематику, круг проблем и направленность, влияющую на дальнейший характер развития АФ, тематика и метод которой восходят к философским проблемам, касающимся связи мира и языка, логики, вопросов семантики, и определяются попыткой создания «научной», «истинной» философии с опорой на эксплицитную аргументацию (логику и математику) и научный стиль мышления.

Ориентация на «научность» выражается в излишней и подчас больше запутывающей, чем что-либо проясняющей техннизации проблем. Это может приводить к тому, что философы бывают более увлечены определёнными способами представления функций и

«формул», рассмотрения отдельных суждений, нежели сутью дела²⁵. Вероятно, это можно обозначить как исследование и прояснение частностей в смысле подхода от частного к общему (bottom up), которое теряется по пути и редко доходит до явного обсуждения того самого общего. В противовес этому, вероятно, можно обозначить иной вид исследования как от общего к объяснению частного (top down): в его рамках предлагается некоторое более или менее цельное видение мира, и уже в свете него осуществляется рассмотрение отдельных случаев (в традиции это именовалось спекуляцией). Возможно, это парадигмальный способ рассуждения в т. н. «континентальной» философии; стоит заметить, что нередко верна критика такой философии как чрезмерно идиосинкразической и невнятной, что тексты континентальных философов не позволяют следить за мыслью и понять, есть ли она там вообще. Поэтому возникает обоснованное желание «среднего пути» с ясной речью и интересным философским содержанием и с более выдержаным балансом между общей картиной и частными деталями.

Критикуемая ранними аналитическими философами метафизика была идеалистической, систематической и тем самым претендовала на полноту охвата; парадигмальными примерами являются философии Гегеля и Хайдеггера, тогда как прямым объектом критики со стороны АФ были британские идеалисты, последователи Гегеля. АФ в силу своей

²⁵ К примеру, можно привести следующий отрывок из статьи Кристофера Пикока (Peacocke, 1989, 4), в котором он пытается объяснить функционирование понятий на примере демонстративного чувственного восприятия: «Здесь нам следует дать общее объяснение [способа] индивидуации понятий типа "это *F*", где некоторый *F* явно воспринимается определённым образом (скажем, образом *W*). Тот, кто принимает трактовку Эвансом подобных перцептивно-демонстративных понятий и желает изобразить эту трактовку в форме *A(C)* в применении к типам, мог бы тогда сказать следующее: $[W, F(\cdot)]$ — это такой тип *T* единичного понятия, что для любого мыслящего существа *p* в момент времени *t*, если *x* — это *F*, воспринимаемый мыслящим существом *p* в момент *t* способом *W*, то для мыслящего существа схватывание понятия *m* этого типа *T* состоит в том, что оценка мыслей, содержащих *m*, как мыслей о *F*, управляемая неконцептуальной информацией о *x*, полученной благодаря восприятию *x* в момент *t* способом *W*». Ср. оригинал: «Here we should give a general account of the individuation of concepts of the type "that *F*" where some *F* is apparently perceived in a given way (*W*, say). Someone who accepts Evans's account of such perceptual-demonstrative concepts and wants to exhibit the account as of the *A(C)* form applied to types could then say this: $[W, F(\cdot)]$ is that type *T* of singular concept such that for any thinker *p* and time *t*, if *x* is the *F* perceived by *p* at *t* in way *W*, then for the thinker to be grasping a concept *m* of that type *T* is for the thinker's evaluation of thoughts containing *m* to be controlled as thoughts about an *F* by nonconceptual information about *x*, acquired by his perceiving *x* at *t* in way *W*».

Это нередкое явление, и количество примеров может быть легко увеличено. Хочется ещё раз подчеркнуть: такой способ экспликации имеет право на существование и определённо может быть полезен, однако, как кажется, нередко он теряет собственно философское содержание.

генеалогии, изначального анти-идеалистического пафоса, институционального устройства обладает рядом достоинств, которые также оборачиваются рядом недостатков. Вторя Брэндому, Лакс и Циммерман в своём предисловии к руководству по метафизике указывают на изначальный протест и отказ АФ от метафизики «с большим размахом» (in the grand manner) (Loux & Zimmerman, 2003, 4; см. также Лакс, 2015). Иными словами, АФ генеалогически (во многом) отказывается от решения больших, систематических и экзистенциальных вопросов; я бы предложил сформулировать такой круг вопросов как то, что *интересно* или имеет *значение*²⁶. Разумеется, это не означает, что АФ вообще не занимается этими вопросами. Другое дело, что подход к важным вопросам осуществляется специфическими средствами, так что суть теряется за аргументацией.

Прежде всего, речь о метафизике как ориентации в мире. АФ во многом упускает человеческое в мире, стремясь к идеалу отрешённой от субъекта объективности. АФ мало или вовсе не интересуется *важными* вопросами о человеческом, экзистенциальном, стремясь исключить этот фактор из рассмотрения как вносящий помехи и искажающий объективность²⁷. Греческая философия, к примеру, отличалась прежде всего тем, что она была призвана оказывать влияние на наши взгляды, поведение, жизнь, она должна была проживаться, а не быть отвлечённой. Сегодня это редкость, если не сказать больше. Несмотря на множество понятий и дистинкций, позиций и т. д., АФ мало что говорит о мире и следствиях всего обсуждаемого ей для нас, упуская множество важных вопросов. Теряется смысл и цель таких дискуссий, они совершаются уже как бы по инерции. Средневековая схоластика, с которой часто сравнивают АФ, всё же стремилась познать замысел творца, который имел к нам прямое отношение и задавал смысл. Современная АФ во многом исследует определённые концептуальные развилики, но редко, если вообще ставит вопрос об их значимости для нас, нашего познания, совместного существования и т. д. Взять хотя бы всю безбрежную дискуссию об эпистемологии вокруг и после Геттиера или богатую по своим возможностям метафизику возможных миров. АФ содержит потенциал для таких исследований, но, вероятно, в силу

²⁶ Кант называл это высшими целями и интересом разума, подразумевая функцию ориентирования в мире и ответы на последние вопросы, принадлежащие именно метафизике. Хотя функция теоретической философии значима и важна, она оказывается в некотором смысле служебной или пропедевтической: она должна помогать ответить и на практические вопросы, касающиеся нас и нашего места в мире.

²⁷ Конечно, это сопровождается определённым эстетическим опытом восприятия типичных проявлений АФ, и негативный опыт такого рода влияет на возможное неприятие АФ потенциальным читателем.

генеалогии они мало занимают её. АФ в такой оптике оказывается мышлением на уровне пропедевтики, когда выясняются вопросы семантики, но не ставятся вопросы в отношении важных (what matters) вещей. АФ могла бы это делать, но не делает. Можно сопоставить это с философией Шопенгауэра, расходящейся со здравым смыслом, однако предлагающей попытку осмыслить сам мир и наше положение в мире, что делает его философию интересной. Несмотря на слабую проработанность многих вопросов, центральных для АФ, такие философы, как Шопенгауэр, Хайдеггер и т. д. *интересны*. Можно это выразить таким способом, что АФ преимущественно или типически *неинтересна*. В этом отношении дух или стиль АФ, подходящий для одних задач, упускает или не предрасположен к другим, как раз центральным и наиболее важным задачам для философии. Из этого не следует, что АФ вообще не имеет значения или не несёт пользы, но я бы отнёс такую пользу как раз к разряду пропедевтических, приуготовительных. Вопросы, вокруг которых концентрируется классическая АФ, имеют опосредованное значение, однако представители АФ, как правило, отказываются от их дальнейшего развития в пользу технических, «решаемых» вопросов и проблем²⁸; это, как кажется, характерно и для АФ в целом. Из этого не следует, что АФ должна перестать быть технической; если отсюда и можно вывести какое-то следствие, то скорее такое, что она должна бы заняться и более важными вопросами, так чтобы техническое рассмотрение не становилось самоцелью.

Даже если такие вопросы рассматриваются, то это делается неинтересным или нерелевантным способом. АФ, как кажется, более заинтересована в исследовании аргументов в агоническом ключе, нежели тем, что имеет значение (даже тогда, когда АФ занимается такими вещами). Характерный способ подхода АФ, аналитическое в аналитической философии касается попытки исследовать мельчайшие составные части и продвигаться к более сложным. Однако на практике, как правило, упускаются системные эффекты и то, чем и должна

²⁸ Здесь следует дать слово представителю АФ и привести отрывок из обзора Хилари Патнэмом книги Гарета Эванса: «Отдельные технические проблемы просто вырываются из своего места в богатой филитранной системе метафизики, как будто они имеют значение, не зависящее от их исторического контекста. ... Эванс, похоже, полагает, что философия — это техническая дисциплина, в которой проблемы имеют значение, не зависящее от фактической системы мышления, которая их породила; и что можно некритически использовать понятие "концептуальной" истины» (этот отрывок был опубликован Андреем Коченковым в его соцсетях, по всей видимости, перевод принадлежит ему) (Putnam, 2022, 24). Там же Патнэм пишет: «Несмотря на всю бескомпромиссную техническость, постепенно становится ясно, что у Эванса *нет* собственной философской картины, в отличие от просто набора технических тезисов о технических проблемах» (Putnam, 2022, 24; курсив мой — Д. М.).

заниматься философией: общее, универсальное. Дискуссии также во многом остаются на уровне простого и элементарного, например, квала при обсуждении сознания. Даже в этике, очень популярном направлении, множество дискуссий запутывается в узких дистинкциях и деталях, которые играют служебную, аргументативную роль, но тянут из виду общую картину. Это можно также назвать абстрактным способом рассмотрения, когда обсуждаются важные вопросы, но без связи с целым и другими проблемами и частями, отсюда возникает такая самоувековечивающаяся фрагментарность. Таким образом, в некотором смысле рациональная аргументация перестаёт быть рациональной, теряя из виду большую картину. (Даже обсуждение того, существуют ли цели разума, общая картина, можно и уместно ли их обсуждать, оказывается значимым и интересным). Кажется, что вышеперечисленные факторы вызывают эстетическое неприятие или ощущение нецелесообразности многих проявлений АФ.

На это можно возразить, указав на ряд философов, которые занимаются важными вопросами. И это верно, такие философы действительно существуют; однако речь всё же о *характерном и типическом* в АФ. Следует признать, что есть интересные аналитические авторы, но и у них бывают часты излишне технические дискуссии. Это, пожалуй, верно для любой философии, но более заметно сейчас из-за преобладания АФ и того, что она определяет институциональное поле и задаёт рамки допустимой, публикуемой философии. Особенно любопытно то, что в итоге представители АФ часто приходят к тем же или сходным выводам, что уже были предложены ранее в истории философии, пусть и с намного более сложной аргументацией; к сходным сеткам позиций с большим количеством подвариантов и разветвлений.

Также можно в качестве возражения к выдвинутому мной тезису указать на целые разделы АФ, которые занимаются этикой и экзистенциальными вопросами. С одной стороны, можно предположить, что это те случаи, когда у нас есть нетипические проявления АФ; с другой же стороны, однако, можно предположить, что они также подчиняются общим принципам функционирования АФ и в итоге больше заняты частностями. Даже при рассмотрении «вечных» вопросов АФ не выносит их в более широкое поле, как правило, не даёт цельную картину, и они остаются техническими по характеру. Здесь может быть уместна поговорка про потерю леса за рассмотрением отдельных деревьев. Кроме того, открыт путь отказываться считать эти темы частью АФ, т. е. подлинной, настоящей АФ, как это, кажется, предлагает делать Целищев. Ещё раз подчеркну: типический подход не отрицает, что те или иные представители АФ выходят за рамки «нормальной» АФ, так что

на них эта критика не распространяется или распространяется в меньшей степени. Однако я стараюсь выделить именно типические черты АФ, и я, конечно, не свободен от некоторых предпочтений²⁹.

Итак, акцент на частностях, технических деталях, квазинаучный подход имеет своим недостатком то, что теряется из виду общая картина и преобладает фрагментация. Создаётся самоподдерживающаяся ситуация производства очень узких и специализированных текстов; очевидно, в некоторых областях это даёт превосходный и положительный эффект и само по себе неплохо, однако это вызывает «забвение» некоторых иных важных тем, которые просто растворяются в такой перспективе и не могут быть разработаны в таком виде ввиду их абстрактного и общего характера.

Акцент на деталях проявляется в том, что аргументация и аргументирование получают больше внимания по сравнению с ценностью, интересом и важностью некой позиции или точки зрения для нас. Такая аргументация превращается в некоторое подобие софистики как способа производства убеждённости; подчас для этого используются формализации, зачастую самоочевидные и потому излишние или странные и, как кажется, не относящиеся к делу. (В одном интервью Вадим Лурье разделяет высказанное кем-то убеждение, что философия располагается не далее трёх шагов от квантификации; напротив, я бы сказал, что она в собственном смысле начинается там, где заканчивается квантификация, так что последняя является некой пропедевтикой или уже завершающей исследование формализацией, но *не* подменяет собой философию; на то же самое указывает (Brandom, 2008, 203.)) Это не означает, что следует отказаться от аргументации или формализации; это означает лишь, что аргументация должна выступать в служебной роли и поддерживать интересные, важные и значимые выводы, причём не только и не столько в сугубо теоретическом контексте и узких дискуссиях.

АФ играет существенную роль в философии: тихое и постепенное развитие духа через малозаметную коллективную аргументативную работу. Но сосредоточенная на деталях аргументативная работа

²⁹ В этом отношении можно ориентироваться на лучших представителей АФ, или на «норму». В обоих случаях по заданным критериям можно пытаться установить шкалу от 0 до 1 и определять «количество» АФ в философах, и назвать такую меру, скажем, 1 Карнап или 1 Рассел в зависимости от параметра (идеального типа, воплощаемого тем или иным философом), и говорить, что в таком-то представителе АФ содержится 0,5 Карнапа или 0,9 Рассела и т. д. Тем самым можно будет выделить некоторые основополагающие, типические черты АФ, поименовать их таким способом и посчитать удельный вес в том или ином представителе АФ. Разумеется, наш подсчёт будет при этом зависеть от многих произвольных факторов и выбранных нами предпосылок.

упускает сложный, «спекулятивный» характер предметов философии, при рассмотрении которых требуется учёт объектного и мета-уровня. Пренебрежение этим естественным образом приводит к возникновению противоречий и парадоксов, которые в некотором смысле устраняются при занятии общей точки зрения. Создаётся парадоксальный эффект, когда вся философия в целом как коллективная система убеждений, как правило, в имплицитном виде содержит в себе ответы на важные вопросы, и в то же время подавляющее большинство текстов обладают фрагментарным характером и упускают общую картину. В результате такие тексты во многом теряют значение, если рассматривать их с точки зрения целого. Поэтому я полагаю, что можно сказать, что АФ не достаёт важного, присущего философиям прошлого систематического устремления и подхода в силу самой генеалогии и природы АФ. (Вероятно, это связано с нынешним историческим состоянием обществ и интеллектуальной жизни нашей эпохи.) Упуская этот подход, который можно назвать спекулятивным в смысле обозрения целого, а не только частностей, АФ и упускает главное, то, что имеет значение, то, в чём и состоит задача философии как таковой с точки зрения ориентации и смысла (не только семантически, но и экзистенциально)³⁰. Эта задача содержится в метафизике с «большим размахом» (*in the grand manner*).

Трудно предсказать развитие философии в будущем хотя бы потому, что трудно предсказать развитие обществ в целом, а последние и определяют, и находятся под влиянием философии. Однако можно сделать предположение о том, что АФ до тех пор, пока она сохраняет некоторые представленные выше черты, составляющие её ядро, не сможет серьёзно взяться или подчас даже увидеть те проблемы, задачи и способы философствования, которые можно описать как философование с большим размахом. Очевидно, что большинство представителей АФ не увидят в этом никакой беды.

Стоит заметить, что АФ как система всё же выполняет эти функции, однако недостаёт именно конкретных работ, в которых бы давалось и артикулировалось общее рассмотрение в противовес «мелкодетальным» (*small-grained*) подходам. Ведь и философия с большим размахом не исключает деталей и нюансов, она лишь находится на более высоком уровне общности. В последнее время появляются статьи и книги по генеалогии (в dezavuирующем смысле Ницше) АФ (Schuringa, 2024; Verhaeg, 2025), которые стремятся показать политические и институциональные, идеологические истоки господства АФ. Возможно, сказанное

³⁰ Эти линии критики продолжают критические мысли Гегеля против рассудочной философии, Хайдеггера против калькулирующего мышления и сходны мыслям многих других философов.

в этих работах верно, однако странно было бы отрицать то, что АФ выражает собой дух нашего времени, и утверждать, что такая форма философии совершенно искусственна; скорее, я повторюсь, нужно понять сущность и свойства АФ как проявления нашего времени и состояния. Как я говорил выше, очевидно, что АФ выполняет огромное количество нужной и заслуживающей внимание работы, однако она не выполняет или, скорее, недостаточно выполняет, на мой взгляд, наиболее важную и собственно философскую работу.

Эта статья началась с определения философии как систематической понятийной деятельности самопонимания. Это предполагает отношение к себе с мета-позиции, что так или иначе должно включать осознание себя, активного агента мышления, речи и познания. В некотором смысле АФ застряла в объектной установке и поэтому, возможно, не может представлять собой философию вообще, поскольку ей недостаёт *самопонимания*, она является философией, которая односторонне понимает себя и хочет быть формально организованной квази-«эмпирической» наукой, а не философией. Это следует понимать именно в смысле типического, поскольку я стараюсь говорить не о частных философиях и отдельных философах, но об АФ как цельном феномене.

Список литературы

- Васильев, В. В. (2019а). Метафилософия: история и перспективы. *Эпистемология и философия науки*, 56(2), 6–18.
- Васильев, В. В. (2019б). Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? *Философский журнал*, 12(1), 144–158.
- Бригт, Г. Х. фон (2013). Аналитическая философия: историко-критический обзор. *Кантовский сборник*, 43(1), 78–89; 44(2), 69–82.
- Гегель, Г. В. Ф. (2000). *Феноменология духа*. М.: Наука.
- Глок, Г.-Й. (2022). *Аналитическая философия как она есть*. М.: Канон+.
- Горан, В. П. (1996). Философия. Что это такое? *Философия науки*, 1(2), 3–14.
- Горан, В. П. (1997). Философия. Что это такое? Часть II. *Философия науки*, 1(3), 3–15.
- Горан, В. П. (2007). *Теоретические и методологические проблемы истории западной философии*. Новосибирск: Изд-во СО РАН.
- Грязнов, А. Ф. (2006). *Аналитическая философия*. М.: Высшая школа.
- Джохадзе, И. Д. (2016). Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности. *Логос*, 26(5), 1–15.
- Джохадзе, И. Д. (2018). История философии как этология. Ответ Константину Скрипинику. *Логос*, 28(6), 234–243.

- Кнебель, С. (2015). *Scientia media*. Среднее знание. Дискурсивно-археологический путеводитель по XVII столетию. *EINAI*, 4(1/2), 310–373.
- Коллинз, Р. (2002). *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Сибирский хронограф.
- Лакс, М. (2015). Метафизика в аналитической традиции. *Философский журнал*, 8(2), 5–15.
- Ламберов, Л. (2010). О мифах и проблемах определения термина «аналитическая философия». *Analytica*, 4, 2–37.
- Логинов, Е. В. (2025). К истории аналитико-континентального разрыва, *Analytica*, 10, 1–75.
- Макеева, Л. Б. (2019). Аналитическая философия как историко-философский феномен. *Философский журнал*, 12(1), 130–143.
- Маслов, Д. К. (2025). К определению философии. Размышления о понятии «философия» в работах В. П. Горана. *Respublica litararia*, 6(2), 54–70.
- Никифоров, А. Л. (2009). Природа философии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 3(7), 7–17.
- Скрипник, К. Д. (2018). Аналитическая философия: вчера – кризис идентичности, сегодня – ее поиск. *Логос*, 28(6). 224–233.
- Скрипник, К. Д. (2020). Дебаты в отечественной и зарубежной философии по основаниям, истории и идентичности аналитической философии. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*, (2), 67–84.
- Скрипник, К. Д. (2021). История, современное состояние и метафилософская оппозиции «аналитическая/ континентальная философия». *Философский журнал*, 14(4), 174–187.
- Суровцев, В. А. (2010). Аналитическая философия: всеобщее и нюанс. *Вопросы философии*, (8), 23–29.
- Фуллер, С. (2020). *Кун против Поппера. Борьба за душу науки*. М.: Канон +.
- Фуллер, С. (2021). *Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии*. М.: Дело.
- Шнедельбах, Г. (2018). Философия как теория рациональности. *Логос*, 28(2), 225–247.
- Шохин, В. К. (2013). Что же всё-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма». *Вопросы философии*, (11), 137–148.
- Шохин, В. К. (2015). Аналитическая философия: Некоторые непроторенные пути. *Философский журнал*, 8(2), 16–27.

- Шохин, В. К. (2018а). Новый феномен: страсти по аналитической философии. *Философский журнал*, 11(4), 106–114.
- Шохин, В. К. (2018б). Аналитическая философия в поисках предмета. *Эпистемология и философия науки*, 55(1), 8–25.
- Шохин, В. К. (2024). Аналитическая философия: удалось ли наконец её определить? (Ганс Иоганн Глок. Аналитическая философия как она есть). *Логос*, 34(6), 297–320.
- Шрамко, Я. В. (2007). Что такое аналитическая философия? *Эпистемология и философия науки*, 11(1), 87–110.
- Целищев, В. В. (2000). Будущее философии XXI века: аналитическая или континентальная философия? *Философия науки*, 2(8), 13–20;
- Целищев, В. В. (2018). Аналитическая философия и ревизионизм без бегров. *Философский журнал*, 11(2), 138–155.
- Юнусов, А. Т. (2025). О трёх аналитических философиях. *Analytica*, 10, 90–140.
- Brandom, R. (2002). *Tales of the Mighty Dead. Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brandom, R. (2008). *Between Saying and Doing. Towards an Analytic Pragmatism*. Oxford: Oxford University Press.
- Brandom, R. (2009). *Reason in Philosophy. Animating Ideas*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dummett, M. (1993). *Origins of Analytic Philosophy*. London: Duckworth.
- Dummett, M. (2010). *The Nature and Future of Philosophy*. New York. Columbia University Press.
- Habermas, J. (2000). *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Hylton, P (1993). *Russel, Idealism and the Emergence of Analytic Philosophy*. London: Clarendon Press.
- Loux, M. & Zimmerman, D. (Eds.). (2003). *The Oxford Handbook of Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press.
- Lutz-Bachmann, M. (2018). Metaphysik. Überlegungen zu einem Konzept von Philosophie im Anschluß an Kant. In C. Erhard, D. Meißner & J. Noller (Hrsg.), *Wozu Metaphysik? Historisch-systematische Perspektiven* (S. 79–94). Freiburg: Alber Verlag.
- Nagel, E. (1936). Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I. *The Journal of Philosophy*, 33(1), 5–24.
- Nagel, E. (1936). Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. II. *The Journal of Philosophy*, 33(2), 29–53.
- Peacocke, C. (1989). What Are Concepts. *Midwest Studies in Philosophy*, XIV, 1–28.

- Preston, A. (2007). *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London: Continuum.
- Preston, A. (Ed.). (2017). *Analytic Philosophy: An Interpretive History*. New York; London: Routledge.
- Putnam, H. (2022). *Philosophy as Dialogue*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Rescher, N. (2014). *Metaphilosophy: Philosophy in Philosophical Perspective*. Lanham: Lexington Books.
- Schnädelbach, H. (1992). Metaphysik und Religion heute? In H. Schnädelbach, *Zur Rehabilitierung des animal rationale. Vorträge und Abhandlungen* 2. Frankfurt/Main (Suhrkamp).
- Shuringa, C. (2024). *A Social History of Analytic Philosophy*. Verso.
- Stekeler-Weithofer, P. (2023). Nature, Spirit and Their Logic. Hegel's Encyclopaedia of the Theoretical Sciences as Universal Semantics. *The Philosophy Journal*, 16(2), 165–175.
- Verhaeg, S. (2025). The Analytic Turn in American Philosophy: An Institutional Perspective—Part 1: Scientific versus Humanistic Philosophy. *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*, 15(1), 61–98.
- Williamson, T. (2007). *The Philosophy of Philosophy*. Wiley-Blackwell.
- Williamson, T. (2018). *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford: Oxford University Press.
- Williamson, T. (2019). Armchair Philosophy. *Epistemology and Philosophy of Science*, 56(2), 19–25.

Информация об авторе: Маслов Денис Константинович, к. филос. н., научный сотрудник, Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии, Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики. Москва, ул. Старая Басманная 21/4. dkmaslov@hse.ru, denn.maslov@gmail.com.

Поступила в редакцию: 15 августа 2025 г.

Принята к публикации: 10 сентября 2025 г.

Опубликована: 28 декабря 2025 г.

Denis K. Maslov

The Dull Weaving of Spirit: Reflections on the Nature of Analytic Philosophy

Abstract. This paper offers a critical analysis of the nature of analytic philosophy. The paper opens with a review of some attempts to define the tradition. The discussion then examines the limitations inherent in existing definitions and explores the methodological challenges associated with defining philosophical traditions — analytic philosophy in particular. After that, the paper considers genetic, institutional, and sociological dimensions of the issue before proposing a new approach to definition. This approach identifies analytic philosophy through a set of typical characteristics, grounded in stylistic criteria, methodological norms, and shared canonical practices.

Keywords: analytic philosophy, metaphilosophy, sociology of analytic philosophy.

Citation: Maslov, D. K. (2025). The Dull Weaving of Spirit: Reflections on the Nature of Analytic Philosophy. *Analytica*, 10, 323–359.

References

- Brandom, R. (2002). *Tales of the Mighty Dead. Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brandom, R. (2008). *Between Saying and Doing. Towards an Analytic Pragmatism*. Oxford: Oxford University Press.
- Brandom, R. (2009). *Reason in Philosophy. Animating Ideas*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Collins, R. (1998). *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk: Chronograph. (in Russian).
- Dummett, M. (1993). *Origins of Analytic Philosophy*. London: Duckworth.
- Dummett, M. (2010). *The Nature and Future of Philosophy*. New York: Columbia University Press.
- Dzhokhadze, I. D. (2016). Analiticheskaya filosofiya segodnya: krizis identichnosti [Analytic Philosophy Today: Identity Crisis]. *Logos*, 26(5), 1–18. (in Russian).

- Dzhokhadze, I. D. (2018). Istorya filosofii kak etologiya. Otvet Konstantinu Skripniku [History of Philosophy as Ethology. A Reply to Konstantin Skripnik]. *Logos*, 28(6), 233–244. (in Russian).
- Fuller, S. (2020). *Kun protiv Popper'a. Bor'ba za dushu nauki* [Kuhn vs. Popper: The Struggle for the Soul of Science]. Moscow: Kanon+. (in Russian).
- Fuller, S. (2021). *Sotsiologiya intellektual'noy zhizni: kar'yera uma vnutri i vne akademii* [The Sociology of Intellectual Life: The Career of the Mind in and around the Academy]. Moscow: Delo. (in Russian).
- Glock, H.-J. (2008). *What is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Goran, V. P. (1996). Filosofiya. Chto eto takoye? [Philosophy: What It Is?]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1(2), 3–14. (in Russian).
- Goran, V. P. (1997). Filosofiya. Chto eto takoye? Chast' II [Philosophy: What It Is? Part II]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1(3), 3–15. (in Russian).
- Goran, V. P. (2007). *Teoreticheskiye i metodologicheskiye problemy istorii zapadnoy filosofii* [Theoretical and Methodological Problems of History of Western Philosophy]. Novosibirsk: Izd-vo SB RAS. (in Russian).
- Gryaznov, A. F. (2006). *Analiticheskaya filosofiya* [Analytic Philosophy]. Moscow: Vyschaya shkola. (in Russian).
- Habermas, J. (2000). *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Hegel, G. W. F. (1980). *Gesammelte Werke*. Bd. 3. Hamburg: Meiner.
- Hylton, P. (1993). *Russel, Idealism and the Emergence of Analytic Philosophy*. London: Clarendon Press.
- Iunusov, A. T. O trokh analiticheskikh filosofiyakh [On the Three Analytic Philosophies]. *Analytica*, 10, 90–140. (in Russian).
- Knebel, S. (2015). Scientia media. Sredneye znaniye. Diskursivno-arkheologicheskiy putevoditel' po 17 stoletiyu [Scientia Media. Ein diskursarchäologischer Leitfaden durch das 17. Jahrhundert]. *EINAI*, 4(1/2), 310–373. (in Russian).
- Lamberov, L. (2010). O mifakh i problemakh opredeleniya termina «analiticheskaya filosofiya» [On Myths and Problems of Definition of Analytic Philosophy]. *Analytica*, 4, 2–37. (in Russian).
- Loginov, E. V. (2025). K istorii analitiko-kontinental'nogo razryva [Towards a History of the Analytic-Continental Divide]. *Analytica*, 10, 1–75. (in Russian).
- Loux, M. (2015). Metafizika v analiticheskoy traditsii [Metaphysics in Analytic Philosophy]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal], 8(2), 5–15. (in Russian).

- Loux, M. & Zimmerman, D. (Eds.). (2003). *The Oxford Handbook of Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press.
- Lutz-Bachmann, M. (2018). Metaphysik. Überlegungen zu einem Konzept von Philosophie im Anschluß an Kant. In C. Erhard, D. Meißner & J. Noller (Hrsg.), *Wozu Metaphysik? Historisch-systematische Perspektiven* (pp. 79–94). Freiburg: Alber Verlag.
- Makeeva, L. B. (2019). Analiticheskaya filosofiya kak istoriko-filosofski fenomen [Analytic Philosophy as a Historico-philosophical Phenomenon]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal], 12(1), 130–143. (in Russian).
- Maslov, D. (2025). K opredeleniyu filosofii. Razmyshleniya o ponyatiu «filosofiya» v rabotakh V. P. Gorana [Reflections on the Concept of Philosophy in Connection to V. Goran's Conception]. *Respublika Literaria*, 6(2), 54–70. (in Russian).
- Nagel, E. (1936). Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I. *The Journal of Philosophy*, 33(1), 5–24.
- Nagel, E. (1936). Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. II. *The Journal of Philosophy*, 33(2), 29–53.
- Nikiforov, A. L. (2009). Priroda filosofii [Nature of Philosophy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 3(7), 7–17. (in Russian).
- Peacocke, C. (1989). What Are Concepts. *Midwest Studies in Philosophy*, XIV, 1–28.
- Preston, A. (2007). *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London: Continuum.
- Preston, A. (Ed.). (2017). *Analytic Philosophy: An Interpretive History*. New York; London: Routledge.
- Putnam, H. (2022). *Philosophy as Dialogue*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rescher, N. (2014). *Metaphilosophy: Philosophy in Philosophical Perspective*. Lanham: Lexington Books.
- Schnädelbach, H. (1992). Metaphysik und Religion heute? In H. Schnädelbach. *Zur Rehabilitierung des animal rationale. Vorträge und Abhandlungen* 2. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
- Shokhin, V. K. (2013). Chto zhe vso-taki takoye analiticheskaya filosofiya? V zashchitu i ukrepleniye «revizionizma» [What Exactly is Analytical Philosophy? In Defence and Strengthening of "Revisionism"]. *Voprosy Filosofii*, (11), 137–148. (in Russian).
- Shokhin, V. K. (2015). Analiticheskaya filosofiya: Nekotoryye neprotorennyye puti [Analytic Philosophy: Some Unbeaten Tracks]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal], 8(2), 16–27. (in Russian).

- Shokhin, V. K. (2018a). Novyy fenomen: strasti po analiticheskoy filosofii [A New Phenomenon: Emotions Run High for Analytic Philosophy]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal], 11(4), 106–114. (in Russian).
- Shokhin, V. K. (2018b). Analiticheskaya filosofiya v poiskakh predmeta [Analytical Philosophy in Search of a Subject]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 55(1), 8–25. (in Russian).
- Shokhin, V. K. (2024). Analiticheskaya filosofiya: udalos' li nakonets yevo opredelit'? (Gans Iogann Glock. Analiticheskaya filosofiya kak ona yest') [Analytical Philosophy: Has it Finally Been Defined? (Hans Johann Glock. Analytical Philosophy as it is)]. *Logos*, 34(6), 297–320. (in Russian).
- Shramko, Y. V. (2007). Chto takoye analiticheskaya filosofiya? [What is Analytic Philosophy?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 11(1), 87–110. (in Russian).
- Shuringa, C. (2025). *A Social History of Analytic Philosophy*. London: Verso.
- Skripnik, K. D. (2018). Analiticheskaya filosofiya: vchera – krizis identichnosti, segodnya – yeye poisk [Analytic Philosophy: Identity Crisis and Quest for Identity]. *Logos*, 28(6), 224–233. (in Russian).
- Skripnik, K. D. (2021). Iстория, современное состояние и метафилософская оппозиция «аналитическая/континентальная философия» [The History, Contemporary State, and Metaphilosophy of the Opposition "Analytic/Continental" Philosophy]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal], 14(4), 174–187. (in Russian).
- Stekeler-Weithofer, P. (2023). Nature, Spirit and Their Logic. Hegel's Encyclopaedia of the Theoretical Sciences as Universal Semantics. *The Philosophy Journal*, 16(2), 165–175.
- Surovtsev, V. A. (2010). Analiticheskaya filosofiya: vseobshcheye i nyuans [Analytic Philosophy: Universal and Particular]. *Voprosy Filosofii*, (8), 23–29. (in Russian).
- Tselishev, V. V. (2000). Budushcheye filosofii 21 veka: analiticheskaya ili kontinental'naya filosofiya? [The Future of Philosophy in 21st century: analytic or continental philosophy?]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2(8), 13–20. (in Russian).
- Tselishev, V. V. (2018). Analiticheskaya filosofiya i revizionizm bez beregov [Analytic philosophy and revisionism beyond the bounds]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal], 11(2), 138–155. (in Russian).
- Vasiliev, V. V. (2019a). Metafilosofiya: istoriya i perspektivyy [Metaphilosophy: History and Perspectives]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 56(2), 6–18. (in Russian).
- Vasiliev, V. V. (2019b). Chto takoye analiticheskaya filosofiya i pochemu vazhen etot vopros? [What is analytic philosophy and why is it important to

- ask?]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophy Journal], 12(1), 144–158. (in Russian).
- Verhaeg, S. (2025). The Analytic Turn in American Philosophy: An Institutional Perspective—Part 1: Scientific versus Humanistic Philosophy. *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*, 15(1), 61–98.
- Williamson, T. (2007). *The Philosophy of philosophy*. Wiley-Blackwell.
- Williamson, T. (2018). *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford: Oxford University Press.
- Williamson, T. (2019). Armchair Philosophy. *Epistemology and Philosophy of Science*, 56(2), 19–25.
- Wright, von G. H. (2013). Analiticheskaya filosofiya: istoriko-kriticheskiy obzor [Analytic Philosophy: historical-critical review]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian Journal], 43(1), 78–89; 44(2), 69–82. (in Russian).

Author's Information: Denis Maslov, C.Sc. (Ph.D.) in Philosophy, Research Fellow. HSE University. 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow 105066, Russian Federation; e-mail: dkmaslov@hse.ru; denn.maslov@gmail.com.

Received: 15 August 2025

Accepted: 10 September 2025

Published: 28 December 2025